

Проф. В. Н. Сперанский

Чехов и медицина

МЕДИЦИНА — моя законная жена, литература — любовница, так с обычной своей вышней шутливостью говорил в молодые годы Чехов о серьезном жизненном вопросе. Когда к возрасту зрелому пришел большой писательский ум и материальное обезличие — это, не совсем ясное и зыбкое, различие двух областей служения решительно определилось полной победой литературы. Теперь мы знаем, что по всем природным данным Чехова никак не могло быть другого исхода в этом сорековании двух культурно-трудовых его устремлений.

Антон Павлович медицину очень всегда уважал. Не по случайному капризу, не по житейским расчетам, а по полному призванию: образ он свой факультет. Врачебной солидной подготовкой он придавал первоочередное значение в деле выработки литературной наблюдательности и здорового психологического реализма. Из писателей предпочитал Толстого, из врачей — Захарьина. Повторил он неизменно Захарьину своему клиническому методу планового исследования больного человека Чехов всегда стремился следовать в своем художественном творчестве. В его глазах врач, достойный своего знания, должен быть чутким советником и терпеливым утешителем пациента.

В необъятной художественной галерее Чехова много самых разнообразных типов врачей. Перед нами словно разужный спектр характеров, навыков и настроений. Нигде нет наклонности ко что бы то ни стало защищать и прирашивать товарищей по профессии. Среди хитрых пустопытов мертвящей общности далеко не всегда чеховские врачи бодрят и исцеляют. Эпидемический недуг безволия и безмыслия нередко заражает и губит их самих. Жуткое и удручающее впечат-

ление в этом смысле производит символический рассказ "Палата № 6". Психиатрическое угрюмое отделение захолустной больницы очень похоже на те казармы сахалинской каторги, которые с немалым мастерством живописца их постигший Чехов. Доктор Андрей Ефимович, человек настоящей культуры, страстный любитель серьезного чтения, попросту махнул безвольно — фаталистически рукой на это крохотное подобие дантовского ада.

Т в чеховские врачи-несчастливцы, которые опускаются умышленно и черствито нравственно на закат дней, забывают медицину, как и все светлое и доброе своей молодости. Именно таков Иван Романович Чебутыкин, бригадный врач артиллерийской бригады, старый одинокий холостяк. С трагической горечью говорит он себе и комарные дни завола: "думают, что и доктор, умно лечит всякие болезни, а я не знаю решительно ничего, все позабыл". Третьего дня разговор в клубе: говорят Шекспир, Вольтер, а я не читал, совсем не читал, а в лицо своем показав, будто читал. И другие тоже, как я. Помолость! Низость! И та женщина, что уморил в среду, вспомнилась... И все вспомнилось, и стало на душе приво, гадко, мерзко... пошел записки...

Молодой доктор Львов в драме "Иванов" отталкивает нас своим наивным фарисейским ханжеством, "Юныч" морально похоронен автором по первому разряду. Жалкий герой "Питрич" уничтожен чехов-

ским юмором. Доктор Сергей Борисович из повести "Три года" показан безпомощно в своей неприглядной духовной наготы.

Все эти унылые фигуры не подрывают в глазах художника самой идеи. Недаром в противовес им Чехов создал столько правдивых и обязательных образов врача дельного, чуткого и безкорыстного. Вспомним святого и мудрого доктора в "Рассказе старшего садовника", вспомним скромнейшего Дымова — самоотверженного мужа, легкомысленной и неразборчивой "Попрыгуньи", вспомним и безгранично милосердного доктора из рассказа "Быллец", включенного Толстым в "Круг чтения". Он говорит ворчливо и безотказной молодой бабке и ее непослушному сынишке: "Вить бы тебя — да некому", а на деле терпеливо и ласково возится со всеми своими неприсвешенными пациентами.

Даже землей врач Астров из комедии "Дядя Ваня", как и его прообраз Хрущев из "Дядюшки", испускают в наших глазах своей грубей недостаточного внимания к родной медицине — своим восторженным влечением к левоводству, как к одному из надежных путей оздоровления общественной жизни.

КОГДА нездоровье и недосуг заставляли Антона Павловича совсем отойти от врачебной практики — он сохранил свой живой интерес к медицине и свою способность юношески радоваться каждому новому ее достижению. Медицина была той единственной областью,

где Чехов держал отражать Толстому, благоговейно им почитаемому. Чрезвычайно характерна энергичная отповедь великому автору "Крейцеровой Сонаты" в напечатанных письмах Чехова. Он немедленно и горячо заступился за собратей по специальности против бичующих обобщений Толстого.

В студенческие годы Чехова сближающим его любимцем послужил знаменитый клиницист Григорий Антонович Захарьин (1830-1897). Был популярный профессор гистологии Александр Иванович Бабушкин, почти портретно потом им изображенный в увлекательном рассказе: "Скучная история". Николай Степанович владел царственно — полновластно своей настороженно-внимательной аудиторией и сознается, что ничто в долгой жизни не доставляло ему такого наслаждения, как чтение лекций. На кафедре он — подлинный маг и волшебник.

Очень немногие до сих пор знают, что Чехов одно время серьезно

хотел стать приват-доцентом медицинского факультета Московского Университета. Он вел по этому поводу через своего товарища по выпуску невропатолога Григория Ивановича Рассолина (1860-1928) переговоры с деканом факультета П. Ф. Клейном. В силу отсутствия у Антона Павловича формального ценза — он не держал докторантских экзаменов и не писал диссертации, из этой попытки ничего не вышло. Художественную книгу "Сахалин" признали совсем неподходящей для публичной защиты на докторском диспуте.

Очень трудно себе вообразить скромного и застенчивого Чехова на университетской кафедре. Неумолимо развивавшийся роковой недуг не дал бы ему стать академическим оратором. Однако, сама эта мечта работать в качестве врача-педагога подтверждает зинный раз его неизгладимую любовь к медицине.

Валентин Сперанский